
УДК: 82–1/-9

Амирян Т.Н.

**ДВОЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
АВТОФИКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹**

*Российско-Армянский Университет
Ереван, Армения, tigran.amiryan@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования автофикциональной литературы во второй половине 1970-х годов. В центре внимания оказывается историко-литературный контекст, в котором французский писатель и эссеист Серж Дубровски предложил научному сообществу и широкой читательской аудитории неологизм «автофикция» и одноименное направление в литературе. Художественные и критические тексты Дубровски создавались в контексте одновременно французской и американской культуры, что сформировало определенную пространственность автофикционального письма, предопределившего специфику поликультурности и мультилингвизма всех последующих автофикций, испытавших влияние «трансатлантического письма».

Ключевые слова: автофикция; автобиографический роман; Серж Дубровски; французская литература; литература XX в.

Поступила: 04.05.2019

Принята к печати: 20.05.2019

Amiryan T.N.

The double identity of the autofiction

*Russian-Armenian University
Yerevan, Armenia, tigran.amiryan@gmail.com*

Abstract. The article discusses the features of autofiction literature formation in the second half of the 1970 s. The focus is on the historical and literary context, in which the French writer and essayist Serge Doubrovsky proposed a neologism «autofiction» and a literary movement of the same name to the scientific community and a wide

¹ © Т.Н. Амирян, 2019.

general readership. Doubrovsky's literary and critical texts were created in the context of both French and American culture, which shaped a certain spatiality of autofictional writing that predetermined the specificity of multiculturalism and multilingualism of all the previous autofictions, that had been influenced by «transatlantic writing» for several decades.

Keywords: autofiction; autobiographical novel; Serge Doubrovsky; French literature; 20th-century literature.

Received: 04.05.2019

Accepted: 20.05.2019

Время изобретения автофикции

Понятие автофикции в литературе возникает в 1970-х годах во Франции в качестве художественной реплики в сторону структуралистских исследовательских проектов относительно статуса и возможных форм автобиографического письма¹. Неологизм был предложен писателем и эссеистом, специалистом по творчеству Пьера Корнеля², Сержем Дубровски (1928–2017), написавшим в

¹ Речь идет в первую очередь о работе Филиппа Лежена «Автобиографический пакт», в котором теоретик попытался дать принципы разграничения автобиографического и романического типов литературы, определив автобиографию как «максимально точный» ретроспективный рассказ автора о своей реальной жизни. Серж Дубровски, не соглашаясь как с постулатом о «точности» рассказа о себе, так и с невозможностью представлять под одним именем и повествователя, и автора, и персонажа романа, создает персонажа SD, подписывая одновременно предисловие и обложку романа собственным именем. Об этом позже Лежен скажет «Дубровский заметил незаполненную ячейку, которую я (по неосторожности) объявил пустой, и ему пришла идея изобрести смесь, которую он назвал «автофикцией»» [Лежен, 2012].

² Почти всегда Дубровски не отделял себя как исследователя литературы от себя-писателя. В 1988 году, спустя 10 лет после изобретения понятия автофикции, он опубликует исследовательский труд «Autobiographiques: de Corneille à Sartre». Кроме того, что автор одновременно принимает роль исследователя и творца художественной словесности, Дубровски стремится стать самым первым и главным критиком своих произведений, вплетая метафикциональные элементы в ткань своих автофикций, или же выступая с критическими статьями о собственных произведениях. Впоследствии такая открытость между метатекстуальным и текстуальным уровнями автофикции будет прослеживаться у ряда авторов, пытающихся «комментировать» и / или дополнять свои теоретические труды с помощью собственного художественного текста и наоборот, ярким примером является ряд автофикциональных романов Ю. Кристевой и «Ролан Барт о Ролане Барте» Р. Барта.

период с 1963 г. по 2014 г. девять автофикциональных романов, ряд критических и теоретических статей как о собственных сочинениях, так и о различных этапах становления французской литературы XVIII–XX вв.

Активное изучение автобиографических жанров не прекращалось во Франции на протяжении всего XX в., однако к 1960-м это внимание к письму от первого лица усиливается в контексте структурализма и радикального переосмысления статуса и роли автора в литературе¹. По мнению Изабель Грель, автофикция формируется под влиянием и в результате развития одновременно ряда явлений: сюрреализма, постструктурализма, Новой автобиографии. Исследовательница отмечает, что автофикция Дубровски тесно связана также с лакановским психоанализом и принципиально новым отношением психоаналитического знания как к фикциональному тексту², так и к понятию субъекта в культуре в целом [Grell, 2014, p. 10]³. Известно, что в годы перехода от «жестко структуралистских» [Косиков, 2000] позиций к постструктуралистским внимание многих ученых и философов было направлено на вопрос переосмысления человека и его представленности в куль-

¹ Необходимо отметить, что еще в контексте нового романа возникает разговор о месте и форме автобиографического письма, а уже в 1986 г. Роб-Грийе выступает с текстом, озаглавленным следующим образом «Я всегда говорил только о себе», а позже, в 1990-х, он выступил в рамках конференции «Текст и интертекст» в Лондоне с речью «От Нового романа до Новой автобиографии». Филипп Гаспарини отмечает, что «Зеркало, которое возвращается» (1985) Роб-Грийе, так же как и «Любовника» (1984) Маргерит Дюрас, и «Георгики» (1981) Клода Симона можно назвать в качестве романов, далеких от принятой формы мемуаров, но переписывающих автобиографические романы авторов, опубликованных ранее, в 1950–1960-х. Такая попытка пересмотреть собственный фикциональный образ ознаменовала, как отмечает исследователь, период активных поисков новых способов репрезентации себя в литературе [Gasparini, 2008, p. 131–146].

² Интерес к автобиографическим жанрам возобновляется в связи с новой волной переосмысления фрейдовского психоанализа, в частности такого сложного в истории психоанализа явления, как самоанализ. Об автобиографии и психоанализе см. подробнее в книге Жана-Франсуа Чиянтаре́то «Об автобиографическом акте: психоанализ и автобиографическое письмо», где исследователь объясняет новаторское письмо Дубровски как гибридизацию фикционального и автореференциального, как способ нарративизации собственного психоаналитического курса и / или сеанса в художественной форме [Chiantaretto, 1995, p. 159].

³ Грель приводит мысль из «Стадии Зеркала» (1966) Ж. Лакана: «Я с самого начала должно было быть рассмотрено на одном уровне с вымыслом».

туре и повседневности прошлых эпох и современности. В контексте автобиографического поворота XX в. [Томэ, Шмид, Кауфманн, 2017] Серж Дубровски, пытаясь создать образ «Я»-биографического одновременно с «Я»-писательским, предпринимает попытку проанализировать свою биографию с помощью собственного художественного слова, написать «транскрипцию бессознательного» [Gasparini, 2008, p. 36] или то, что автор называет «написанием своего психоанализа» [Doubrovsky, 1980]. Изобретение гибридного явления автофикции для Дубровски становится одновременно как попыткой деконструктивного «ответа» строгим литературоведческим разграничениям жанро-видового порядка, так и способом избежать объективации собственного «Я» в повествовании, не отдавать исповедальный рассказ на истолкование психоаналитику. Писательская стратегия Дубровски имеет непосредственную связь с его собственной биографией: утрата матери в 1968 г. становится для него тяжелой духовной травмой, что заставляет обратиться к помощи психоаналитика. Последний рекомендует Дубровски фиксировать свои переживания в тетради, которая спустя годы трансформируется в рукопись одного из крупных автофикциональных текстов писателя, вышедшего в свет под заголовком «Монстр» в 2014 г.¹

Впервые Дубровски предложил неологизм «автофикция» в предисловии к своему роману «Сын» (1977), после чего прошло без малого полвека и на протяжении десятилетий автофикциональное письмо активно исследовалось многими академическими институтами в Европе и США. «Вымысел абсолютно реальных событий и фактов» [Doubrovsky, 2001 a, p. 10]² у Дубровски вызвал

¹ Автобиографическая проза, которую Дубровски пытался опубликовать ранее, чем вышла в свет книга «Сын», составляла примерно 3000 страниц. Издатели отвергли произведение в связи с его «монструозным» объемом. Из этого многостраничного манускрипта Дубровски составил свою первую официальную автофикцию под заголовком «Сын». Спустя десятилетия как результат скрупулезной работы Изабель Грель с рукописями писателя в 2014 г. вышла в свет ранее неизданная книга Дубровски под заголовком «Монстр», составившая более 1600 страниц.

² Основной постулат Филиппа Лежена относительно автобиографического текста относился не только к различению имен нарративных инстанций и персонажей произведения, но также к фактору «достоверности» и хронологической точности нарративизации собственной биографии. Дубровски неоднократно за-

целую серию критических отзывов. Автофикциональная литература была в центре внимания Ж. Лекарма, Ж. Женетта, Ф. Гаспарини, Ф. Лежена, Ж.-Ф. Чиантарето, Ф. Фореста, В. Колонна, И. Грель и многих других, пытавшихся найти теоретическую или историко-литературную идентификацию жанра или типа письма. С момента выхода в свет романа «Сын» сам Дубровски был организатором нескольких конференций, посвященных автофикции. Параллельно ряд исследователей предлагали новые понятия и термины для ставшего популярным типа автобиографического письма: «роман о Я», «письмо о себе», «автофабуляция», «автонарративный роман», «автогетеробиография» и пр. Нужно отметить, что в этих поисках участвуют не только теоретики, в них также активно вовлечены писатели и художники. Примером может служить критический отзыв Мари Дарьесек, озаглавленный «Автофикция – не серьезный жанр» (1996) или романы Ани Эрно, направленные на рефлексию жанровых специфик автофикции в контексте социологии.

Первая диссертация, посвященная автофикции, принадлежит Венсану Колонна и была защищена под руководством Ж. Женетта в 1989 г. [Colonna, 1989]. В ней произошло расщепление неологизма – спустя десять лет после его изобретения. Если Дубровски подразумевал под автофикцией омонимическую связь между автором, персонажем и нарратором, то Колонна рассматривает различные художественные тексты, выделяя такие типы автофикциональности, как фантастическая, спекулятивная, биографическая. Только к последнему относится тот тип автофикции, который подразумевался в работах Дубровски. Эти теоретические и критические способы создания новой методологии, применимой не только к истории литературы, но и к текущему литературному процессу, продолжаются и по сей день¹. Поэтому автофикциональная сло-

являет, что его жизнь, записанная в фикциональном письме не может быть воссоздана в логико-хронологическом порядке [Doubrovsky, 1980, p. 88].

¹ Несмотря на то что в ряде диссертаций и монографий авторы предлагают новые способы дифференциации автобиографии и автофикции, последнее продолжает признаваться всеми специалистами «неопределяемым» явлением, не поддающимся точному описанию тем или иным научным концепциям. Художественная литература, напротив, обладает большими возможностями отрефлексировать автофикциональное явление. Те или иные схемы или принципы различения автофикции настолько непостоянны, что Изабель Грель, отказываясь очерчивать жанровые или дискурсивные границы автофикции, предлагает новое

весность, точнее литература, в центре которой всегда проблема субъекта и рассказа от первого лица, является одной из ведущих тем литературоведческого и литературного процесса, берущего начало еще в контексте Нового романа и занимающего значимое место в мировой словесности до сих пор. Если эпохой автофикции можно назвать 1980–2000-е, то, трансформируясь из эксклюзивного экспериментального художественного явления в успешно интегрированное в постмодернистский контекст теоретико-критическое понятие, автофикция становится не только способом письма, но также и определенным типом прочтения литературного фонда прошлых эпох. Так, к первым автофикционалистам принято относить Ж.-Ж. Руссо¹, а из писателей начала XX в. в рамках нового автобиографического стиля были исследованы произведения писательницы Колетт («Рождение дня», 1900). В одном из своих интервью Дубровски говорит о собственном изобретении следующее: «Я никогда не мог представить, что автофикция станет важным литературным движением во французской или в мировой литературе [...] Теперь она обнаруживается в Великобритании, в США, в Испании, в Италии, в Японии, и в Польше. Вплоть до недавней конференции об автофикции, прошедшей в Тегеране» [Chemin, 2013]. На специализированном электронном сайте autofiction.org можно найти страницу, на которой исследования и художественные произведения группируются по разным странам, и география этого литературного явления расширяется с каждым годом. Сегодня список стран, названных Дубровски, можно значительно расширить, так как автофикциональная литература регулярно обнаруживается учеными в таких национальных литературах, как чешская, русская, бразильская, армянская, немецкая и пр. Возможно, эта миграция по разным языковым пространствам

понятие «аллюзивная автофикция», т.е. та, в которой омонимическая связность может быть нарушена, но читатель точно может обнаружить своеобразный процесс фикционализации биографии автора, не скрывающегося за художественным, а, наоборот, усиливающего воображаемое «Я» художественными и фактографическими методами одновременно [Grell, 2014, p. 44].

¹ Фигура Жана-Жака Руссо интересует как сторонников нового стиля, так и приверженцев «классической автобиографии». Журнал, издаваемый Филиппом Леженом в Ассоциации по сохранности автобиографического наследия (АРА), назван «Во всем виноват Руссо».

субъективирующего письма также была заложена в матричных для жанра текстах отца автофикции.

Я пишу в моей машине
Моя автобиография будет
Моей АВТО-ФИКЦИЕЙ
[Doubrovsky, 2014, p. 1059]

И эта автофикция как машина, как «авто-мобиль», пересекающий пространства, продолжает быть актуальной не только в конце 1970-х, но и сегодня, создавая все новые произведения литературы, заслуживающие внимание читательской аудитории.

География автофикции

В статье 2012 г. Арно Генон, исследователь творчества Эрве Гибера, обращает внимание на двойную идентичность субъекта в автофикциональном письме [Genon, 2012] и на истоки этой «двойной жизни», обнаруживаемые в тексте Сержа Дубровски. «Атлантика разделила меня пополам», – говорит Дубровски-нарратор, Дубровски-автор и он же – персонаж романа. Будучи французским писателем польско-еврейского происхождения, Дубровски прожил большую часть жизни в США, преподавал в Нью-Йоркском университете. Для Генона, так же как и для других исследователей автофикции, очевидно, что такая двойная жизнь автора между двумя континентами является еще одним подтверждением того, на что претендует его текст, в бесконечной игре слов и поисках множественной формы выражения «двойной жизни»: «Наша история написана дважды. Один-В-Двух. Единая двойная судьба» и т.д. Дублирование «я» у Дубровски, по мысли ученого, связано с намерениями создать письмо-перевод между внешним и внутренним, «выйти за пределы себя» [Doubrovsky, 2001 b, p. 216]. Почти все пространство романа «Сын» занимают фрагментарные диалоги с самим собой, автопереводы. Так Дубровски словно пытается передать своему читателю то, что происходит в сознании билингвы. Не пытаясь создавать целостный образ личной истории, он показывает, как формируется память, погруженная одновременно в разные языковые пространства: иногда персонаж произносит фразу или

слово на французском языке, которую он сам или же вслед за ним нарратор переводит на английский.

Почти все произведения Дубровски являются своеобразной рефлексией над собственным билингвизмом. Филипп Гаспарини подчеркивает эту особенность текстов писателя, объясняя такое стремление к фиксации двуязычности как необходимость для любой автофикции. Написание автофикции, как полагает Гаспарини, приводит к необходимости оторваться от родного языка, чтобы искать оригинальную собственную форму высказывания себя [Gasparini, 2008, p. 36].

Кроме того, здесь организуются два важных процесса для автофикционального письма, которое будет написано другими авторами, «после Дубровски». Первое – это попытка саморепрезентации, которая похожа не на фиксацию непрерывной линии событий и фактов, как это было в автобиографическом письме, а на бесконечный переводческий проект. Второе, что задано в тексте Дубровски и станет питательной средой для других автофикционалистов, это расщепление самого понятия «субъект» с помощью двух различных языков. Можно предположить, что английский и французский здесь лишь пример такого билингвального письма, в дальнейшем этими двумя языками в одном романе у разных автофикционалистов станут графические рисунки и текст, текст и фотография, танец и речь и т.п.

Саморепрезентация с помощью «другого» интересным образом скажется на формировании автофикциональной словесности стран Магриба. Так, еще Ассия Джебар, говоря о субъективации арабской женщины в автофикциональном письме, укажет на важность «другого» языка. Французский язык для многих арабских стран станет языком фикционализации себя, так как на локальном языке окажется сложно писать о собственной сексуальности, сложно в связи с запретами, политическими, лингвистическими, социальными. Для писателей Магриба автофикция окажется одновременно очень приемлемым типом нарративизации себя (своей сексуальности, телесности, политических позиций и пр.), в то же время будет еще одним способом неокOLONиального освоения новых территорий со стороны метрополии. Примерно тот же процесс саморепрезентации как письма-перевода можно увидеть и у других писателей. Ярким примером в современной литературе продолжает оставаться Абделла Тайя, чьи романы становятся своеобраз-

разным марокканским «продолжением» той автофикции, которую в 1980-х создавал Эрве Гибер, концентрируя письмо на репрезентацию своего автопортрета и своей сексуальной жизни. В отличие от Гибера, транзитивность текстов Тайя окажется двойной, теперь повествователь будет говорить о своем «другом эросе» на другом языке.

Что же касается двойного языка как присутствия двух медиа в процессе нарративизации себя, то нужно отметить, что за несколько лет до выхода в свет романа «Сын», в 1975 г., был опубликован «Ролан Барт о Ролане Барте», считающийся сегодня одной из самых репрезентативных форм автофикции. Бартовский эксперимент воплотил в текстуальную реальность одновременно многие намерения и ожидания коллег по писательскому цеху. С одной стороны, своим произведением семиолог словно реализовал «структуралистскую мечту» написать структуралистский роман, с другой стороны, ему удалось интегрировать визуальные элементы в произведение, где нет иерархии между иллюстрирующим и иллюстрируемым материалами, где фотография, в том числе и фотография себя, станет играть равную повествовательную роль с вербальным текстом. Эксперимент окажется не просто удачным, а постоянно будет воспроизводиться другими авторами, среди которых известные работы Эрве Гибера, еще одного создателя визуальной автофикции (фотороман «Сюзан и Луиз», «Призрачный снимок», «Путешествие с двумя детьми» и пр.), романы о памяти В.Г. Зебальда («Аустерлиц», «Головокружение»).

На географическую раздвоенность репрезентации субъективирующего письма обращает внимание и исследовательница Ани Жуан-Вестлунд, посвятившая ряд работ сопоставительному анализу современной французской автофикции, сформировавшейся под влиянием Дубровски. Исследовательница отмечает, что Дубровски в США был востребованным профессором, особенно в период популярности французской литературы в Северной Америке в 1960-е годы (преподавание в Гарвардском, Брандейском и потом Нью-Йоркском университетах). Именно эта востребованность удерживала его в США на протяжении десятилетий, так как будучи преподавателем в американских вузах, Дубровски выстраивал карьеру ученого и преподавателя, чего было сложнее добиться во Франции. Одним словом, нахождение в США является фундаментом его профессиональной идентичности, поэтому, уйдя на пенсию в

возрасте 74 лет, Дубровски покидает США, попрощавшись с этой страной своим автофикциональным романом «Человек переходящий» (2011), изданным под суперобложкой, на которой выведена стратегически важная для автора и его сочинения фраза: «Моя жизнь – роман». Письмо Дубровски представляется приключением языковым, одновременно приключением транскультурным, межконтинентальной литературой, «трансатлантическим приключением» [Jouan-Westlund, 2010].

«Мой вымысел никогда не является романом, я воображаю мое существование» – так Дубровски скажет о той смеси фактов и вымысла, которую он называет автофикцией. Нужно сказать, что «трансатлантическим» это понятие становится еще и по той причине, что в тот же период вопрос границы фикционального занимает не только французских писателей и теоретиков, но также их коллег из США. В 1970 г. изобретается понятие метафикции, а еще ранее Трумен Капоте предлагает понятие нонфикшена. Примечательно, что в американском случае изобретения нового направления или термина снова играет роль писательская инициатива и лишь потом критическая. Будучи преподавателем отделения французской литературы, Дубровски долгие годы брал на себя культуртрегерскую роль, переводя сквозь собственное художественное письмо важные жанровые и стилистические особенности с одного континента на другой.

Исследования автофикциональной словесности в контексте текущего литературного процесса во Франции и за ее пределами часто показывают, что современные писатели-автофикционалисты испытывают влияние не только от произведений Сержа Дубровски, но также от того контекста и литературного пространства, где эти книги рождались и где были созданы условия возникновения литературы о себе с двойной идентичностью.

Список литературы

- Косиков Г.К. «Структура» и / или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., составление и вступительная статья Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 3–48.

- Лежен Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // *Неприкосновенный запас*. – М., 2012. – № 3(83). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/117-pr.html>
- Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни: Теория как тайная автобиография / Пер. с нем. Маяцкого М. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 336 с.
- Chemin A. «Fils», père de l'autofiction Anne Chemin // *Le Monde, Culture & idées*. – Paris, 2013. – 20.07. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/culture/article/2013/07/18/fils-pere-de-l-autofiction_3449667_3246.html
- Chiantaretto J.-F. De l'acte autobiographique: le psychanalyste et l'écriture autobiographique. – Seyssel: Éditions Champ Vallon, 1995. – 293 p.
- Colonna V. L'autofiction: Essai sur la fictionalisation de soi en littérature: Thèse de doctorat, Litt., Paris, E.H.E.S.S. – Lille: A.N.R.T, 1989. – 562 f.
- Dobrovsky S. Autobiographie/vérité/psychanalyse // *L'esprit créateur*. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1980. – Vol. 20, N 3. – P. 87–97.
- Dobrovsky S. Fils. – Paris: Gallimard, 2001 a. – 544 p.
- Dobrovsky S. Je ne cherche aucune absolution, mais un partage: entretien avec Jean-François Louette // *Temps modernes*. – Paris, 2001 b. – N 611. – P. 210–218.
- Dobrovsky S. Le Monstre. – Paris: Grasset, 2014. – 1696 p.
- Gasparini Ph. Autofiction. Une aventure du langage. – Paris: Seuil, 2008. – 352 p.
- Genon A. Ce que dit l'autofiction: Les écrivains et leurs fractures // *Raison-publique.fr* [Electronic resource]. – Paris, 2012. – 31.05. – Mode of access: <http://www.raison-publique.fr/article540.html#nh27>
- Grell I. L'Autofiction. – Paris: Armand Colin, 2014. – 128 p.
- Jouan-Westlund A. Serge Dobrovsky: L'écriture d'une aventure transatlantique [Conference proceeding]. The 20 th and 21 st Century French and Francophone studies international conference, Université de Guelph, Toronto, Canada, March 25–27, 2010. – Lyon, 2010. – Mode of access: http://sites.univ-lyon2.fr/pul-lettre/lisiere/LA_Web_Jouan.pdf

References

- Kosikov, G.K. (2000). «Struktura» i/ili «tekst» (strategii sovremennoy semiotiki). In *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* (pp. 3–48). Moscow: Progress.
- Lezhen, F. (2012). Ot avtobiografii k rasskazu o sebe, ot universiteta k assotsiatsii lyubiteley: istoriya odnogo gumanitariya. *Neprikosnovennyiy zapas*, 3(83). Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/117-pr.html>
- Tome, D., Shmid, U., & Kaufmann V. (2017). *Vtorzhenie zhizni: teoriya kak taynaya avtobiografiya*. Moscow: Izd. dom Vyisshey shkoly ekonomiki.
- Chemin, A. (2013, 20 juillet). «Fils», père de l'autofiction Anne Chemin. *Le Monde, Culture & idées*. Retrieved from https://www.lemonde.fr/culture/article/2013/07/18/fils-pere-de-l-autofiction_3449667_3246.html

- Chiantaretto, J.-F. (1995). *De l'acte autobiographique: le psychanalyste et l'écriture autobiographique*. Seyssel: Éditions Champ Vallon.
- Colonna, V. (1989). *L'autofiction, essai sur la fictionalisation de soi en littérature*. Thèse de doctorat. Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris, France.
- Doubrovsky, S. (1980). Autobiographie/vérité/psychanalyse. *L'Esprit créateur*, 20(3), 87–97.
- Doubrovsky, S. (2001 a). *Fils*. Paris: Gallimard.
- Doubrovsky, S. (2001 b). Je ne cherche aucune absolution, mais un partage: entretien avec Jean-François Louette. *Temps modernes*, (611), 210–218.
- Doubrovsky, S. (2014). *Le Monstre*. Paris: Grasset.
- Gasparini, Ph. (2008). *Autofiction. Une aventure du langage*. Paris: Seuil.
- Genon, A. (2012, 31 mai). *Ce que dit l'autofiction: les écrivains et leurs fractures*. Retrieved from: <http://www.raison-publique.fr/article540.html#nh27>
- Grell, I. (2014). *L'Autofiction*. Paris: Armand Colin.
- Jouan-Westlund, A. (2010, March). *Serge Doubrovsky: L'écriture d'une aventure transatlantique*. Conference proceeding at the 20 th and 21 st Century French and francophone studies international conference, Université de Guelph, Toronto, Canada. Retrieved from: http://sites.univ-lyon2.fr/pul-lettre/lisiere/LA_Web_Jouan.pdf